

На 90-летие уральского писателя Николая Воронова

Творец «золотого слова»

В памяти человека есть драгоценное свойство — удерживать в своих записках даже те детали встреч, расставаний, дружб и размолвок во времени и жизненном пространстве, кои вначале казались незначительными. И я — не исключение.

1966-й год. Ташкент. Лето. После недавнего знаменитого землетрясения город заново строился. Я работал на тепловозо-вагоноремонтном заводе токарем, а после смены, в начале и в конце каждого месяца, спешил в клуб железнодорожников на занятия лито, где собирались начинающие поэты и прозаики.

Однажды к нам на огонёк заглянул прибывший со строителями из Магнитогорска поэт Юрий Евсиков и показал тоненькую книжицу стихов, изданную в Челябинске. Поскольку никто из нас, молодых, ещё не имел своего собственного сборника, незнакомец сразу же вызвал в наших сердцах уважение. А после прочтения им нескольких стихов и отрывка из поэмы о декабристе Бестужева-Марлинском это чувство в нас закрепилось ещё больше.

Руководитель лито, поэт-фронтовик Виталий Качаев попросил Евсикова рассказать о магнитогорских коллегах. Юрий охотно, как о своих близких друзьях, поведал о мэтре уральской поэзии Борисе Ручьёве, рассказал о своей дружбе с поэтом, как он выразился, «есенинской силы и чистоты» Валентином Сорокиным, а потом задумался и произнёс:

— В 50-е годы я посещал магнитогорское лито. Руководил им замечательный поэт и прозаик Николай Воронов. Это он мне помог словом и делом издать эту книжку, — и Юрий с нескрываемой гордостью снова выставил на обозрение свой сборник и, как бы между прочим, добавил: — О Николае Воронове вы скоро услышите!

Евсиков оказался прав. Через два года он принёс в лито один из номеров журна-

ла «Новый мир» за 1968-й год. Открыл нужную страницу и громко возвестил: «Николай Воронов. "Юность в Железнодольске"».

Когда роман был прочитан, я понял, что произведение автобиографично, а Железнодольском автор называл свой любимый Магнитогорск. В романе красочно, убедительно и неповторимо было показано «утро детства» самого Воронова, отрочество и юность в предвоенные и военные годы, его родители, первая влюблённость на фоне полуразрушенной и голодной страны... Правдивые до оголённого нерва страницы в те непростые годы в печати вызвали бурную полемику со всеми вытекающими из этого последствиями. Правда во все времена не нравилась власть предержащим, а вот читателям роман пришёлся по душе. И мне тоже. Ведь похожие ситуации в те годы происходили во многих семьях, коллективах. Только разобраться в них, вникнуть в суть и правильно понять могли не все. Несмотря на жёсткую, не всегда аргументированную критику, автор нашёл в себе силы значительно улучшить некоторые главы — и стилистически, и сюжетно. Вскоре роман стали переводить на разные языки. К писателю пришло заслуженное признание.

Большая часть творчества Николая Воронова посвящена людям труда, рабочей теме, ныне грубо осмеянной новыми «хозяевами жизни», нуворишами, ставшими в одночасье владельцами заводов, газет,

пароходов. Но как бы то ни было, автор никогда не изменял раз и навсегда избранной теме и в новых своих произведениях воспевал «симфонию маргеновских печей», вкус подового хлеба, замешанного руками крестьянина «на жарком солнечном круге».

Будет не совсем верным думать, что Воронов посвятил себя только одной теме. На самом деле, палитра жанров его произведений разнообразна: тут и рассказы, и повести, и романы, и фэнтези, а также стихи, посвящённые разным аспектам нашей жизни, природе, людским взаимоотношениям... В этом ряду особое место, даже почётное, занимают книги писателя для детей и молодёжи. Сами их названия, на первый взгляд лёгкие, загадочные, звонкие, уже говорят о некоей тайне, ожидающей читателя: «Голубиная охота», «Мальчик, полюбивший слона», «Смятение», «Побег в Индию», «Тёплые монеты»...

О чём эти рассказы, повести, романы под разными обложками? О неповтори-

мой уральской природе, об обитателях лесов, полей и рек, о настоящей любви и дружбе, достоинстве и чести... Не зря же многие произведения автора продолжают включать в антологии, учебники и тематические сборники. Они предназначены читателям всех возрастов: ведь кем-то очень мудро подмечено, что дети всегда были и будут завтрашними взрослыми, а взрослые останутся вчерашними детьми.

В начале нового тысячелетия я вынужден был переехать в Москву, куда пригласили возглавить охотничий журнал. На первых порах я поселился в Переделкино, в доме друга-писателя на улице Серафимовича. И каково же было удивление, когда я вскоре узнал, что совсем неподалёку от меня живёт писатель Воронов. В одной из вечерних прогулок я и познакомился с ним. Представился, сказал, кто и откуда. Рассказал Николаю Павловичу о своём впечатлении о прочитанном романе «Юность в Железнодольске». Вспомнил и о Юрии Евсикове, хотя колебался. В уголках губ моего собеседника пробежала горечь: его заботами вышли на плодотворную литературную дорогу многие прозаики и поэты, а Евсиков, увы, не смог...

В достопамятные советские времена о писателях, оставивших заметный след в литературе, выходили книги в серии «Воспоминание современников». Наверное, пришло время подумать о такой книге и о писателе Николае Воронове, пока здравствуют его друзья-коллеги, почитатели его многоцветного дарования, родные... Думается, творец «золотого слова», коим, несомненно, являлся Воронов, чьё творчество высоко ценили такие великие писатели, как К.Паустовский, В.Катаев, А.Твардовский, В.Астафьев, В.Боков, заслуживает такой чести.

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

Он ушёл. Строка осталась...

Будним вечером в Галерее зарубежного искусства среди иноземных шедевров вспоминали яркого, смелого, ироничного, талантливое, шумного, творившего благодаря, любившего вопреки и жившего по Гамбургскому счёту русского поэта Владимира Фролова

Потомок древнего московского рода, выросший и написавший первые свои стихи на полюсе холода в Верхоянске, Владимир Фролов стал легендарным ещё при жизни. Его невероятная по энергетике поэзия, наполненная иронией скептика, пронизанная лиризмом романтика и предчувствием раннего ухода, не укладывалась в рамки понятия «местный поэт». Она была шире и глубже местечковых рамок, она нуждалась в большей аудитории.

Дождь и ветер, дождь и ветер.
Провода оборвало...
Тьма пустая на портрете,
Где лицо твоё цело...

«Поэты не умирают. Пока звучат их стихи, они живут!» — такими словами открыл памятный вечер друг собрат по перу Владимир Фёдоров. Гости, среди которых были известные поэты из Ленска, Мирного, Алдана и других городов и весей Якутии, читали стихи, делились воспоминаниями, смеялись и пели.

В этот вечер жена и муза поэта Ольга Фролова, известный автор-исполнитель, пела под гитару песни на его стихи. «Мне трудно окунуться в прошлое», — призналась она. Но всё же весёлые и лиричные песни звенели, согревая теплом и отдаваясь в сердцах грустью раннего расставания.

История их удивительной любви могла бы стать основой для романа, а творческий союз подарил множество прекрасных про-

изведений. Его смелые стихи, иногда балансирующие на грани заскорузлой общественной морали, и её светлая, словно небо после дождя, музыка, соединяясь, превращались в нечто большее, чем просто песня.

...Где я тебя берёг, шептал тебе на ушко:
«Мой маленький зверёк,
уткнувшийся в подушку...»
Где я тебя ласкал безумно и несмело,
И душу расплескал в твоё золотое тело.

Два года назад на фестивале авторской песни «Берег дружбы», что ежегодно проходит в городе Томмоте, Ольга учреди-

ла премию имени Владимира Фролова «По Гамбургскому счёту». Именно так жил поэт. По такой, самой высокой планке, мерил он свою жизнь.

Когда несколько лет назад пара переехала в Москву, стихами Фролова заинтересовались редакторы авторитетных литературных журналов. Первые большие поэтические подборки должны были быть опубликованы в столице в декабре 2013-го. Но в октябре поэт ушёл из жизни, совсем немного не дождавшись всероссийского признания.

Как вид исчезающий редок,
Иду я дорогою лунной,
И всё-таки напоследок
Я танго станцию с фортуной.

Человек-вулкан, человек-праздник... Друзья запомнили его таким. Затяжные поэтические вечера, невероятные кулинарные эксперименты, импозантный белый костюм — всё это было неотъемлемой частью образа. Но, кроме того, было многогранное творчество и глубокое понимание безграничности бытия. Его жизнь не стала примером благопристойности, но в поэтических строках Владимир Фролов раз за разом обращался к Создателю, ища свою главную истину.

Боже, небо распогодь.
Время слишком быстротечно.
Приведи меня,
Господь,
К пониманью истин вечных...

Фролов оставил богатое творческое наследие. Его произведения увидели свет в престижном журнале «Поэзия» и не менее элитном альманахе «Академия поэзии», вошли в «Антологию православной поэзии». Он писал от мужского и женского имени, одинаково легко проникая в потаённые уголки диаметрально противоположных душ.

Как многие поэты, Фролов предчувствовал ранний уход. В его рифмы нередко влетали размышления о том, что там за... Предчувствия оказались пророческими. Но после ухода поэта остались строки, пронзительные и точные, прорезающие души, словно птица быстрым крылом. И есть те, кто их прочтёт:

Сердце биться перестало,
Закружило мир во мне.
Птица времени устала,
Приклонилась на сосне.

Может, просто замечталась,
Время мерить перестав.
Я ушёл, строка осталась,
Крылья в вечность распластав...

Анна ПШЕННИКОВА